

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.17

Правильная ссылка на статью:

Белоконев С. Ю., Титов В. В., Усманова З. Р. Резонансные события и непопулярные политические решения: специфика репрезентации в пространстве рунета // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 365—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>.

For citation:

Belokonev S. Yu., Titov V. V., Usmanova Z. R. (2019) Resonant events and unpopular political decisions: specificity of representation in RuNet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 365—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>.

С. Ю. Белоконев, В. В. Титов, З. Р. Усманова РЕЗОНАНСНЫЕ СОБЫТИЯ И НЕПОПУЛЯРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА

РЕЗОНАНСНЫЕ СОБЫТИЯ И НЕПОПУЛЯРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА

RESONANT EVENTS AND UNPOPULAR POLITICAL DECISIONS: SPECIFICITY OF REPRESENTATION IN RUNET

БЕЛОКОНЕВ Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, руководитель департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: syubelokonev@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>

*Sergey Yu. BELOKONEV*¹ — Cand. Sci. (Pol.), Head of the Department of Political Science and Mass Communications
E-MAIL: syubelokonev@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ТИТОВ Виктор Валериевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: titov-msu@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

УСМАНОВА Заира Романовна — кандидат политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: ZRUsmanova@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2307-9463>

Аннотация. Исследовательская проблема состоит в необходимости выявления и анализа когнитивных компонентов и эмоциональной специфики трансформации интернет-дискурса, складывающегося вокруг негативных резонансных событий и политических решений разного генезиса. В рамках данной статьи в фокусе внимания находятся два события 2019 г. различной природы: катастрофа самолета «Сухой Суперджет» в Шереметьеве и так называемый закон об оскорблении власти. Теоретико-методологические основания исследования выстроены посредством синтеза современного коммуникативного подхода к осмыслению специфики интернет-пространства, политико-психологических теорий и ивент-анализа. Сочетание указанных методов позволило выявить эмоциональные, когнитивные и динамические особенности репрезентации двух изучаемых событий в пространстве социальных медиа рунета.

Во-первых, выявлено, что эмоциональный компонент восприятия обо-

Viktor V. TITOV¹ — Cand. Sci. (Pol.), Senior Research Fellow, Department of Political Science and Mass Communications
E-MAIL: titov-msu@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

Zaira R. USMANOVA¹ — Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications
E-MAIL: ZRUsmanova@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2307-9463>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The study aims to reveal and analyze cognitive components and emotional specifics of the transformation of the Internet discourse around negative resonant events and political decisions of different nature. The article is focused on two different type events occurred in 2019: Sukhoi Superjet plane crash at Moscow's Sheremetyevo and the so called 'Law On Insulting the Authorities'. Methodological basis of the study comprises modern communicative approach towards rethinking of the specifics of the Internet space, political and psychological theories and event analysis. The combination of these methods allows revealing emotional, cognitive and dynamic representations of these two events in the Russian Internet ('RuNet') media space.

Firstly, emotional component of perceptions of both events prevails over the cognitive and dynamic ones. At the same time, two negative emotions became widely common: irritation (the "Law" case) and fear (the "Superjet"

их событий довлел над когнитивным и динамическим. При этом наиболее широкое массовое распространение получили две негативные эмоции: раздражение (в первом случае) и страх (в случае с катастрофой «Суперджета»). Во-вторых, установлено, что когнитивный и динамический ракурсы репрезентации этих резонансных событий в рунете развивались в схожем направлении фрагментации и индукции. Первая тенденция проявлялась в росте локальных сетевых дискуссий и «виртуальных» конфликтов по поводу причин и последствий происходящего. Тенденция индукции выражалась посредством перехода от обсуждения нюансов произошедшего к генерализованным негативным установкам. В-третьих, подтвердилась гипотеза, что информационный фон, складывающийся в рунете вокруг резонансных событий и непопулярных политических решений, имеет выраженный негативный и депрессивный характер. В-четвертых, повышенная эмоциональность восприятия, фрагментация и индукция, запаздывающая рационализация «шоковых» тем при одновременном падении интереса к ним и стремление к негативизации непосредственно связаны со спецификой коммуникативной среды рунета.

Ключевые слова: непопулярные политические решения, политизация дискурса, политический протест, рунет

case). Secondly, cognitive and dynamic representations of the resonant events are characterized by fragmentation and induction. The former trend is shown through increased local network discussions and virtual conflicts dealing with the reasons and consequences of events. The induction trend is expressed through a transition from discussion details of what happened to generalized negative settings. Thirdly, the authors prove a hypothesis that the media coverage in the Russian Internet around the resonant events and unpopular political decisions has a pronounced negative character. Fourthly, heightened emotions in perceptions, fragmentation and induction, retarded rationalization of the shocking topics, given a decline in public interest in those topics and a striving towards negativism, are directly related to the specifics of the communicative environment of the Russian Internet.

Keywords: unpopular political decisions, politicization of discourse, political protest, Runet

Актуальность исследования и постановка проблемы

По мнению ряда исследователей и аналитиков, в 2018—2019 гг. произошли серьезные трансформации в политическом сознании российских граждан, что выразилось прежде всего в росте протестных настроений, направленных против действующей власти. Причем, речь идет о нарастании негативных эмоций, сопровождающих деятельность власти на всех уровнях: федеральном, региональном, местном. Основным триггером роста протестных настроений и, соответственно,

снижения уровня доверия к действующей власти российские политологи справедливо называют пенсионную реформу [Дробышева, Тихонова, Каблова, 2019; Будрайтскис, 2018]. При этом они акцентируют внимание и на содержательных ее аспектах (собственно повышении пенсионного возраста), и, что немаловажно — на стилистической составляющей, также вызвавшей негативную реакцию значительной части российского общества (объявление о реформе в период проведения ЧМ-2018; попытки объяснить, что президент «не в курсе» этой инициативы правительства). Однако нетрудно заметить, что еще до рассматриваемых событий исследователи диагностировали «негативный тренд» в восприятии государственных институтов, рост недоверия к властным инициативам со стороны отдельных сегментов общества, особенно молодежи, жителей двух российских «столиц» и других крупных городов [Попов, Большаков, 2015; Карзубов, 2014].

В этой ситуации власти приписывается ответственность не только за непопулярные политические решения (пенсионная реформа) и управленческую некомпетентность («мусорный» кризис в Подмосковье), но и за техногенные инциденты и катастрофы (пожар в ТЦ «Зимняя вишня», взрыв газа в Магнитогорске и т. д.) [Усманова, 2018]. В 2019 г. указанная тенденция получила активное продолжение. Знаковыми резонансными событиями первой половины 2019 г. стали принятие законов «об оскорблении власти»¹ и «надежном интернете»², авиакатастрофа SSJ-100 («Сухой Суперджет») в Шереметьеве и массовые протесты в Екатеринбурге, которые еще раз остро обозначили вопрос доверия к действующей власти.

Репрезентации резонансных событий в пространстве рунета существенно отличаются от их освещения в традиционных СМИ (телевидение, пресса) в рамках «вертикальной коммуникации». По существу, информационное пространство социума радикально трансформируется, создается новая «виртуальная» социально-политическая реальность, в которой государство уже не выступает доминирующим игроком. Эти изменения проявляются в ослаблении когнитивной составляющей, большей эмоциональности и фрагментарности «негативного» дискурса (резкие суждения, противоположные мнения, целенаправленное и «вирусное» хаотичное распространение слухов и т. д.).

Можно предположить, что негатив по отношению к действующей власти (возникающий как в результате очевидных непопулярных решений, так и вследствие формально не зависящих от нее техногенных катастроф) имеет многофакторный характер. Он не исчерпывается онлайн-повесткой, не может быть рассмотрен одномерно, исключительно как протест поколения «Z», социализация которого протекала в условиях интенсивного развития цифровых технологий. Представляется, что этот негатив коррелирует, в том числе, с фундаментальными отрицательными межпоколенческими установками по отношению к власти имущим (например, коррупция как первопричина многочисленных технологических «аварий» во всех сферах).

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180022?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 21.09.2019).

² Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905010025?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 21.09.2019).

В рамках данного исследования объектом нашего интереса стали такие два события весны 2019 г., как авиакатастрофа SSJ-100 в Шереметьеве (5 мая) и подписание Президентом РФ Закона № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» (далее — закон «об оскорблении власти») (18 марта). Оба события имели широкий резонанс и в российском обществе в целом, и в рунете в частности. При этом закон «об оскорблении власти» можно отнести к непопулярным политическим решениям, поскольку различные сегменты российского общества, включая подавляющее число интернет-пользователей, комментировали его в большей степени негативно. Способы реагирования интернет-сообщества особенно интересны в свете того, что закон затрагивает непосредственные интересы последнего, создается административный потенциал серьезных ограничений в рунете, что влечет динамическую реакцию (преимущественно защитную).

Исследовательская проблема заключается в необходимости изучения содержательных компонентов (когнитивных, эмоциональных), специфики формирования и трансформации интернет-дискурса, складывающегося вокруг негативных резонансных событий и политических решений, имеющих разный генезис.

Теоретический объект исследования — негативный дискурс, формирующийся в социальных медиа вокруг резонансных событий³ и непопулярных политических решений⁴, принимаемых российской властью (на примере техногенной катастрофы — гибели SSJ-100 в Шереметьеве, — и непопулярного политического решения — закона «об оскорблении власти»). *Предмет исследования* — сообщения пользователей социальных сетей «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», Telegram, YouTube, циркулирующие в рунете и относящиеся к указанным выше событиям. Такие сообщения могут быть представлены в различных форматах (комментариях, репостах, мемах, лайках и т. д.). *Цель исследования* состоит в изучении специфики репрезентации негативных резонансных событий и непопулярных политических решений в пространстве рунета.

Теоретико-методологический фундамент исследования

Теоретико-методологические основания исследования выстроены посредством синтеза современного коммуникативного подхода, политико-психологических теорий и ивент-анализа.

Современные теории интернет-коммуникации и трансформации «информационной повседневности» являются стержневым компонентом теоретико-методологической композиции исследования. При этом особое внимание зарубежных ученых привлекает технологическая составляющая, с помощью которой они объясняют роль и фундаментальные тенденции развития интернета [Giddens, 1999; Castells, 2009; Бауман, 2008; Webster, 2000]. Что касается российской специфики, то отметим интерес исследователей к особенностям влияния коммуникативной

³ Мы понимаем под резонансными событиями все новостные эпизоды (как непосредственно относящиеся к политической сфере, так и не связанные с ней, например, природные и техногенные катастрофы, трагедии разного характера), которые вызывают широкий общественный резонанс и в конечном счете приобретают политизированные интерпретации негативного толка в рунете. По данному вопросу см. [Болотнов, 2015; Гуторова, 2019].

⁴ Под непопулярными политическими решениями мы понимаем решения, вызывающие массовые негативные настроения или социально-политический протест населения.

среды рунета на формирование и трансформацию структурных компонентов политической культуры (представлений, мнений, установок) российских граждан [Nechaev, Brodovskaya, Dombrovskaya, 2015; Бродовская и др., 2018; Титов, 2013].

Обращение к политико-психологической традиции (Е. Б. Шестопад, Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева) позволит выявить качественные измерения исследуемых случаев. Прежде всего речь идет о таких составляющих, как тональность контента, его когнитивные и динамические элементы [Шестопад, 2015; Евгеньева, Титов, 2014; Селезнева, 2015]. Последние демонстрируют важные, на наш взгляд, трансформационные аспекты — рамки и векторы «развития проблемы» в социальных медиа. Учитывая многообразие невербального контента и сложность его интерпретации, акцент на политико-психологической методологии представляется оправданным, поскольку позволяет диагностировать основные тенденции отражения резонансного события и непопулярного политического решения в политическом сознании пользователей социальных медиа.

Теории ивент-анализа в рамках данного исследования (У. Данн, А. А. Дегтярев) играют вспомогательную роль и необходимы авторам для создания собственной схемы исследования — событийной матрицы, играющей значительную роль в ходе концептуализации общей методики исследования [Dunn, 2007; Дегтярев, 2018: 30—31].

Методы сбора и анализа информации

1) Систематизация, обработка и последующая интерпретация больших данных, полученных посредством автоматизированной системы мониторинга СМИ и социальных медиа «Медialogия». С помощью функции «Соцмедиа» мы проследили динамику роста объемов соответствующего событийного контента в социальных медиа рунета в промежутках: 3 дня; 7 дней и 14 дней. Указанная темпоральная дифференциация была связана с предположением, что в эти сроки будет происходить качественная когнитивная и эмоциональная трансформация контента: от констатирующего и «шокового» (в случае с катастрофой в Шереметьеве) до «поверхностного» объясняющего (3—7 дней) — и более сложного, «протестного» и претендующего на аналитический характер (14 дней). Также из исследования формально были исключены интернет-СМИ (сайты) и сайты традиционных СМИ, но если их информация находила отражение в социальных медиа, то она попала в поле зрения агрегатора.

Отдельное место было отведено анализу контента на YouTube, поскольку, по нашему мнению, данное соцмедиа представляет собой наиболее продуктивную платформу распространения политического контента в рунете за последний период (2018 — начало 2019 гг.). Не претендуя на количественное доминирование в пространстве рунета в целом, YouTube-каналы формируют наиболее значимые «точки роста» политической активности в рунете, в том числе в ее протестных формах.

2) Комплекс политико-психологических методов, позволяющих выявить ситуационные и долгосрочные, неявные (подсознательные) факторы и установки восприятия российскими гражданами негативных резонансных событий и непопулярных политических решений, принимаемых действующей властью. В частности, особое внимание уделено методам интерпретации невербального контента

в рунете, разработанным на основе классических проективных методик и апробированным в рамках деятельности политико-психологической научной школы, возглавляемой Е. Б. Шестопа́л [Шестопа́л, 2015].

3) Матричный анализ — построение событийной матрицы, направленной на систематизацию и детализацию количественных и качественных параметров отражения изучаемых кейсов в социальных медиа. Данный метод предполагает апробацию авторской матричной схемы описания репрезентации события в информационном пространстве, позволяющей научно интерпретировать показатели динамики (частоты и активности распространения информации) и качественные характеристики восприятия данного события пользователями рунета (когнитивный и эмоциональный профиль). По нашему мнению, анализ указанных показателей с привязкой к конкретным темпоральным рамкам позволяет получить многомерную репрезентацию анализируемого события в интернет-пространстве.

Начальными гипотезами исследования выступили следующие предположения.

1) Онлайн-дискурс, складывающийся в рунете вокруг резонансных событий и непопулярных политических решений, носит слабо рациональный, «взрывной» (информационный «взрыв» и последующее быстрое падение интереса к событию) и негативный в эмоциональном плане характер.

2) Негативное содержание онлайн-дискурса, складывающегося вокруг отдельных событий и политических решений, зависит как от их масштаба и степени психоэмоционального воздействия на общество, так и от существующих в массовом сознании установок и стереотипов (носящих главным образом негативный характер по отношению к власти на всех уровнях: «коррупция», «некомпетентность» и т. д.).

3) Можно предполагать, что в условиях ухудшения социального самочувствия российских граждан острота восприятия не только отдельных политических решений, но и резонансных событий, напрямую не связанных с действующей властью (аварии, техногенные катастрофы), будет возрастать. А ответственность за эти события — прямая или косвенная — будет приписываться действующей власти, что будет способствовать дальнейшему росту протестных настроений в российском социуме.

Количественные показатели репрезентации резонансных событий и политических решений в социальных медиа рунета

При помощи системы мониторинга «Медialogия» были подобраны соответствующие тексты. Ключевые фразы формулировались исходя из содержания сообщений, связанных с данными событиями и занимавших на момент исследования ведущие позиции в новостной повестке дня. В результате мы выявили, агрегировали и проанализировали основные количественные показатели, отражающие восприятие двух изучаемых событий пользователями рунета (см. табл. 1). При этом рассматривались такие количественные параметры, как:

- *общее число оригинальных публичных сообщений* в социальных медиа («ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», «Живой Журнал», Instagram, Twitter, Telegram, YouTube);
- *совокупная аудитория* (совокупное количество интернет-пользователей, подписанных на данные «паблики» и имевших возможность ознакомиться с информацией, представленной в них);

- *совокупная вовлеченность* (как сумма комментариев, «лайков» и «репостов» указанных сообщений);
- *количество роликов на YouTube*.

Таблица 1. Количественные показатели репрезентации резонансных событий и политических решений в социальных медиа рунета

	Закон «Об оскорблении власти» (18.03.2019)	Катастрофа SSJ-100 в Шереметьеве (05.05.2019)
<i>Количество сообщений</i>		
0—3 дня	7512	3231
7 дней	19805	12405
14 дней	31076	37303
<i>Аудитория</i>		
0—3 дня	123 млн	71 млн
7 дней	339 млн	208 млн
14 дней	632 млн	472 млн
<i>Вовлеченность</i>		
0—3 дня	127 тыс.	96 тыс.
7 дней	445 тыс.	369 тыс.
14 дней	675 тыс.	588 тыс.
<i>Количество роликов на YouTube</i>		
0—3 дня	179	116
7 дней	372	408
14 дней	486	732

Представленные в табл. 1 данные позволяют выделить ряд тенденций. Во-первых, очевидно, что оба события получили широкий общественный резонанс, при этом первоначально (1—3 дня) аудитория закона «об оскорблении власти» была в 1,7 раза выше аудитории интернет-пользователей, получивших информацию о трагедии SSJ-100. Это может быть связано с тем, что тема «оскорбления власти» изначально воспринималась болезненно именно представителями массмедиа и нашла более широкое отражение на ресурсах официальных СМИ в социальных сетях (VK-сообщества, Facebook, Twitter). Но в дальнейшем динамика роста внимания к теме катастрофы «Суперджета» была более высокой, что связано с остротой и гиперэмоциональностью данной ситуации, ее очевидной близостью к «массовому пользователю». В то время как закон «об оскорблении власти» не стал неожиданностью: его возможное принятие и подписание обсуждалось с конца января и было в какой-то мере предсказуемым, особенно после одобрения Советом Федерации ФС РФ. Хотя не будет преувеличением сказать, что у значительной части общества оставалась надежда, что президент потребует внести правки, смягчающие или конкретизирующие положения данного законопроекта.

Если количество сообщений (в основном оригинальных постов в социальных сетях), посвященных закону «об оскорблении власти», в первые три дня превышало количество сообщений о катастрофе «Суперджета» в 2,4 раза, то в итоге (по результатам 14 дней) количество высказываний в соцмедиа по «Суперджету» превысило число постов и роликов, посвященных закону (37 303 и 31 076 постов соответственно).

Во-вторых, вовлеченность интернет-аудитории в обсуждения этих двух событий была высокой на протяжении всего анализируемого периода (14 дней: 18—31 марта 2019 г. для закона «об оскорблении власти», 5—18 мая 2019 г. для «Суперджета»). По итогам двух недель вовлеченность в проблематику закона «об оскорблении власти» оказалась несколько выше (675 тыс. и 588 тыс. соответственно). Однако на второй неделе развития темы закона «об оскорблении власти» вовлеченность интернет-пользователей (лайки, репосты, комментарии) резко пошла на спад (445 тыс. — 1 неделя и только 230 тыс. — вторая неделя), что может говорить о том, что своеобразный эмоциональный «взрыв» пришелся на 2—7 день после появления данной «новости» (которая, повторимся, была весьма ожидаемой).

В-третьих, в обеих ситуациях обращает на себя внимание устойчивое доминирование негативной тональности контента: 38%-40% — в ходе обсуждения катастрофы «Суперджета» и 65%-70% — в рамках сообщений, посвященных закону «об оскорблении власти». Оставшиеся сегменты контента (примерно 65% и 35% соответственно) носят нейтральный характер, поскольку выражают либо сочувствие близким погибших в авиакатастрофе (в первом случае), либо репосты официальной новостной информации СМИ (это характерно для обоих случаев). Симптоматично, что позитивный контент (который гипотетически мог бы активнее распространяться сторонниками действующей власти по поводу Закона «об оскорблении власти») практически отсутствовал и измерялся долями процента.

Качественные измерения репрезентации резонансных событий и политических решений в социальных медиа рунета

Помимо количественных показателей отражения рассматриваемых событий в социальных медиа рунета не менее важны и качественные характеристики, сгруппированные в три ракурса: эмоциональный (какие эмоции преобладали по поводу указанных событий?), когнитивный (как интернет-пользователи пытались объяснить указанные события?) и динамический (как менялся угол зрения «юзеров» по отношению к данным событиям?). Указанные ракурсы были проанализированы с помощью политико-психологического инструментария, присутствующего в предлагаемой методике матричного анализа и в генерализованной форме представлены в табл. 2.

Эмоциональный ракурс. Важно отметить, что в анализе эмоциональной составляющей закона «об оскорблении власти» четко выделяется такая ментальная константа, как взаимное недоверие (часто переходящее в страх) интернет-сообщества и действующей власти. С одной стороны, пользователи социальных сетей говорят о «*тоталитарных методах*» и о том, что «*будут сажать*». С другой стороны, некоторые отмечают, что «*власть боится общества, молодежи, здоровых сил, поэтому и делает все эти препятствия*».

Таблица 2. Качественные измерения репрезентации резонансных событий и политических решений в социальных медиа рунета

	Закон «Об оскорблении власти» (18.03.2019)	Катастрофа SSJ-100 в Шереметьево (05.05.2019)
<i>Эмоциональный ракурс: тональность сообщений</i>		
0—3 дня	Негативный («шоковый»)	Негативный («шоковый»)
7 дней	Резко негативный («нам врут»)	Негативный («обвинительный»)
14 дней	Резко негативный (с тенденцией к постепенному снижению)	Депрессивный (фрустрационный)
<i>Динамический ракурс: обновление темы</i>		
0—3 дня	От негодования — к нарастающему раздражению	От констатации факта — к поиску основной причины
7 дней	От раздражения — к фрагментации мнений	От вопроса качества самолета и действий экипажа — к коррупции и некомпетентности как системным российским проблемам
14 дней	Снижающаяся волна — раздражение и попытка «найти» образ будущего («как они будут этот закон применять?»)	Обсуждение системных проблем и ответственности чиновников различного уровня
<i>Когнитивный ракурс: основные смысловые линии</i>		
0—3 дня	— «закручивают гайки» — «не считаются с мнением людей» (произвол)	— почему не спасли людей; — ошибки пилотов; — качество SSJ-100 — проблемы российской авиации
7 дней	— «усиление репрессий» — «дальше будет хуже» — возможность массовых митингов против «запрещения» интернета	— коррупция — наследие «лихих 90—х» — действующая власть не может «навести порядок» в отрасли
14 дней	— необходимость «остановить произвол власти» — аморфность образа будущего — «кризис системы»	— ход расследование аварии — желание властей скрыть правду — отказ от полетов на «Суперджетах»

Несколько иная эмоциональная ситуация складывается в случае с катастрофой SSJ-100 в Шереметьево. Анализируя политико-психологические репрезентации данной катастрофы, имеющие место в социальных сетях, можно достаточно четко выявить эмоциональный ракурс тотальной обреченности («безысходности»), смысл которого состоит не в уже ставшем «традиционным» обвинении власти, а в фиксации на психологической установке «все плохо». Виновными объявляются и пилоты, и диспетчерские службы, и спасательные службы («медленно ехали», «почему не залили пеной?»), и даже пассажиры (продемонстрировали «странное поведение»). Позволим себе привести один показательный комментарий пользователя социальной сети «ВКонтакте»:

«Конечно, в случившейся в Шереметьево аварии нельзя обвинять только производителя современного российского самолета. Почему полосу не залили пеной перед посадкой? Почему машины экстренных служб не ожидали борта у полосы, а подъехали к горевшему лайнеру лишь спустя пару минут — это тоже вопрос. Нет четкого объясне-

ния и поведению самих пассажиров, некоторые из которых во время эвакуации якобы пытались достать свои вещи с верхних полок, мешая спасти свою жизнь другим (впрочем, эта версия спустя сутки после катастрофы также кажется попыткой „Аэрофлота“ увести внимание СМИ в другую сторону)».

Данное мнение интернет-пользователя во многом является яркой репрезентацией чувства социальной растерянности и незащищенности (которое является доминирующим в рамках кейса с SSJ-100, но присутствует также и в случае с принятием Закона «об оскорблении власти»).

При этом симптоматично, что попытка возложить частичную ответственность на экипаж (Пользователь YouTube: *«В Шереметьево 100 % человеческий фактор, ошибка экипажа»*), а также спасшихся пассажиров, покидавших самолет с вещами, породила в социальных медиа массовый «виртуальный» протест, схожий, например, с эмоциональной реакцией интернет-сообщества на взрыв в Магнитогорске — хотя и существенно меньший по масштабу (поскольку в случае с SSJ-100 версия террористического акта изначально оказалась на периферии массового сознания). Однако отдельные попытки найти «конспирологический» и «террористический» след в данном событии, безусловно, имели место, например, на YouTube (*«Самолет в Шереметьево сбили по ключевым фамилиям»* и т. п.). Следует отметить, что аналогичное чувство незащищенности, только перед государством («властью», «режимом»), ярко прослеживалось и в ряде комментариев, посвященных Закону «об оскорблении власти». Пользователи указывали, что *«теперь никто не может быть в безопасности»* и *«за всякое слово можно теперь сажать»*.

Матричный анализ обоих кейсов показывает: *интернет-пользователи стали активно обсуждать «нечестный» и «лживый» характер власти, которая пытается не только «запретить говорить» (в случае с законом «об оскорблении власти»), но и скрыть истинные причины катастрофы в Шереметьево, обвинить заведомо невиновных людей, чтобы увести на периферию общественного внимания свою собственную многолетнюю («еще с 90-х») роль в «развале гражданской авиации».*

Однако следует заметить, что часть пользователей говорят только о *технической стороне трагедии*, не экстраполируя ее в *политическое русло*. При этом существенное место отводится и слухам (циркулирующим в социальных сетях в виде репостов, комментариев «специалистов» или «экспертов»), наподобие: *«сгоревший в Шереметьево SSJ-100 ломался каждый день», самолет был «обречен» из-за того, что проект был «недоработанным»,* и т. п.

Можно уверенно говорить, что в интернете нашла рельефное отражение (и была гиперболизирована уже на 7—14 день после катастрофы) тенденция отказов пассажиров летать самолетами «Сухого». Указанная тенденция коррелировала с нарастающим массивом сообщений (как собственно слухов, так и репостов СМИ в соцсетях) о ненадежности данной марки самолета, его низком качестве, сложностях в эксплуатации, склонности к различным, в том числе «малым» поломкам. Например, широкое распространение в социальных медиа, в том числе, в YouTube и «запрещенном» в России Telegram получила озвученная также и официальными СМИ ситуация в Ульяновске:

«Самолет „Аэрофлота“ Sukhoi Superjet 100, который должен был проследовать из Ульяновска в Москву, прервал свой взлет из-за отказа гидросистемы. Об этом

сообщает РИА „Новости“ со ссылкой на источники в аэропорту. Рейс SU 1389 SSJ-100. Прерван взлет на скорости 55 км/ч из-за отказа первой гидросистемы, — приводит агентство слова собеседника».

Еще один аспект, который сближает анализируемые нами события, — это *моральные интерпретации поведения основных действующих лиц*. Важно подчеркнуть, что тема морали в контексте репрезентации двух событий носила все же периферийный характер и нечасто затрагивалась интернет-пользователями.

При этом интенции тех пользователей, кто все же рассуждал о морально-поведенческих аспектах двух рассматриваемых событий, были преимущественно негативными. Единственным исключением из этого ряда стала оценка действий бортпроводника М. Моисеева — погибшего члена экипажа «Сухого», поведение которого характеризовалось в целом как героическое. В остальном же преобладали отрицательные моральные оценки. В случае катастрофы в Шереметьеве они были адресованы и экипажу, и пассажирам («с чемоданами бежали»), и наземному персоналу (особенно после появления соответствующего видео: «*эта трагедия явилась поводом для веселых шуточек, со стороны сотрудников аэропорта*»), и, конечно же, различным должностным лицам («*врут о трагедии*»).

В ситуации с законом «об оскорблении власти» пользователи рунета в оценках еще более категоричны: его разработка и принятие расцениваются даже не как аморальное политическое действие, дискредитирующее всех его участников, а как нечто большее, а именно проявление тотального по своей сути «аморального характера» российской власти. Причем речь идет обо всех ее уровнях: от инициаторов до потенциальных исполнителей («*сейчас давить начнут*») и бенефициаров («*теперь можно смело хамить простым людям, не страшась ответочки*»).

Динамический и когнитивный ракурсы. Следует отметить, что содержание когнитивных ракурсов в первые три дня после указанных событий существенно различалось. Если в случае с катастрофой «Суперджета» интернет-сообщество, находясь в тяжелом эмоциональном состоянии, тем не менее стало формулировать очевидные и весьма конкретные вопросы («*почему не спасли людей?*», «*имели ли место ошибки пилотов?*», «*безопасен ли „Суперджет“ в принципе?*»), то первой реакцией на подписание Президентом РФ Закона «об оскорблении власти» стали стереотипные обвинения в сторону власти («*хотят закрутить гайки*»). В то же время происходила своеобразная массовая артикуляция «эффекта неизвестности», которая *выражалась* в единственном вопросе: «*как далеко готова зайти власть в применении данного закона?*». Таким образом, негодование стало сменяться сильным раздражением, а в следующие несколько дней — и прямым осуждением действий руководства страны.

На втором этапе (три — семь дней) развития рунет-дискуссий о причинах катастрофы «Суперджета» начинают постепенно прослеживаться два сопряженных социально-психологических эффекта. Первый эффект — *частичной когнитивной рационализации*: шоковое состояние и «трэшевые» видео все чаще заменяются вопросом «почему?» и предложениями «*найти и наказать*» виновников трагедии, требованиями не «*покрывать*», а беспристрастно оценить действия пилотов и гражданских служб. Второй эффект мышления может быть определен как *массовая когнитивная индукция*: паблики и комментарии все менее затрагивают детали,

а предпочитают концентрироваться на широком социальном контексте, связывая данную трагедию уже непосредственно с системными дефектами российского общества — коррупцией, «разгильдяйством» и частичной депрофессионализацией российской системы управления («эффективные менеджеры», которые «погубили» самолет, и т. п.). Естественно, на этом фоне начинают звучать обвинения и в адрес действующей власти, ее нежелания или неспособности «навести порядок» в отрасли.

Обсуждение Закона «Об оскорблении власти» на втором этапе приобретает принципиально иной — инерционно-восходящий и фрагментированный характер. С одной стороны, продолжают преобладать голоса противников данного закона, говорящие о его репрессивном характере в целом. Активно упоминают пользователи и о том, что закон защищает не только центральную власть, но и местных чиновников, которые могут теперь вести себя еще более агрессивно в отношении граждан и «сводить счеты с неугодными» (блогеры регионального и локального масштаба, активисты местных сообществ и т. п.), пользуясь данным нормативным механизмом в личных интересах. Параллельно все громче и агрессивнее звучит голос тех, кто поддерживает данный закон, говорит о его необходимости, используя при этом неконвенциональную лексику и откровенно агрессивный стиль дискуссии (которая частично распадается на множество мелких «виртуальных конфликтов»).

На третьем этапе обсуждения трагедии с «Суперджетом» (вторая неделя после катастрофы, 12—18 мая 2019 г.) дискуссия в рунете все более дифференцируется на три расходящихся вектора. *Первый вектор направлен преимущественно на детализацию причин произошедшего и сопутствующее выражение эмоций* (до 60 % контента). При этом указанный сегмент сохраняет подчеркнутую «аполитичность» (хотя и инерционно требует найти виновников трагедии). Параллельно активно развивается и второй — *политизированный вектор дискуссии* (30 %–35 % контента), в рамках которого на первый план выходят депрессивные настроения и соответствующие им когнитивные интенции («развал во всех отраслях», «кризис в государстве»). Естественно, достаточно часто звучат и прямые обвинения в сторону руководства страны — и в абсолютной некомпетентности («довели»), и в патологической нечестности («врут, как всегда», «правды не скажут, себя будут пытаться отмазать»).

И, наконец, в пространстве соцмедиа обнаруживает себя и третий — *резко негативный, протестный вектор дискуссии*, в центре которого оказывается ряд лидеров «несистемной оппозиции» (5 %–8 % контента), рассматривающие случившееся исключительно в макрополитическом ключе, с точки зрения «вины» действующей власти (не чиновников-коррупционеров, а именно «режима») в указанной трагедии. Радикально настроенные интернет-пользователи постоянно и беспартийно экстраполируют данную катастрофу на общее состояние всех сфер современного российского общества.

На третьем этапе развития дискуссии вокруг Закона «Об оскорблении власти» когнитивная составляющая приобретает явно нисходящий характер, трансформируясь в обсуждения многочисленных фактов произвола власти. Единственным внятным рационализирующим вектором репрезентации данной проблематики в рунете становится *поиск контуров многомерного (и общероссийского, и буду-*

щего оппозиции», и «нашего собственного») образа будущего через призму новой реальности — продолжающегося «закручивания гаек». Однако никаких внятных ответов этот поиск не приносит, за исключением воспроизводства неоднократно озвученных ранее риторических клише, негативных по отношению к действующей власти (от «тоталитаризма» и «диктатуры» до более умеренного «ущемления прав...», «избыточного вмешательства в жизнь граждан»).

Основные выводы

Во-первых, комплексный политико-психологический анализ больших данных, полученных при помощи системы автоматизированного мониторинга «Медиалогия», свидетельствует, что эмоциональный компонент восприятия обоих событий — и закона «об оскорблении власти», и катастрофы «Суперджета» в Шереметьеве, очевидно, преобладал над динамическим. При этом наиболее широкое распространение в первые две недели после данных событий получили такие негативные эмоции, как раздражение (в первом случае) и страх (во втором случае).

Во-вторых, когнитивный и динамический ракурсы репрезентации этих резонансных событий в рунете развивались в схожем направлении фрагментации и индукции. Первая тенденция проявлялась в росте многочисленных локальных сетевых дискуссий и «виртуальных» конфликтов по поводу причин и (в случае с законом «об оскорблении власти») последствий происходящего. Тенденция индукции была выражена посредством перехода от обсуждения нюансов произошедшего к генерализованным негативным установкам («давят», «затыкают рот», «непрофессионалы», «не могут навести порядок в отрасли»).

В-третьих, в целом подтвердилась первая из трех рабочих гипотез исследования, что дискурс, складывающийся в рунете вокруг резонансных событий и непопулярных политических решений, носит слабо рациональный и негативный в эмоциональном плане характер. Можно также говорить, что вторая рабочая гипотеза, связывающая восприятие непопулярных политических решений и резонансных событий с установками негативного восприятия власти (как «коррупцированной», «некомпетентной», «нечестной»), тоже нашла свое подтверждение. Однако следует отметить такой нюанс, что техногенные катастрофы, хотя и порождают вопросы об уровне профессионализма власти и качества российской системы управления (на всех ее уровнях), тем не менее автоматически не трансформируются в протестные политические настроения. Поэтому представляется, что третья — прогностическая — гипотеза (о дальнейшем росте протестных настроений, связанных как с непопулярными политическими решениями, управленческими ошибками, так и с катастрофами) нуждается в дальнейшей проверке посредством корреляционного анализа реакции социальных медиа рунета на такие решения и события с уровнем доверия различных сегментов общества к действующей власти — отдельным персоналиям, институтам и структурам.

Список литературы (References)

- Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
Bauman Z. (2008) Liquid Modernity. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Болотнов А. В. Информационные волны и их типы в современном медиадискурсе: к постановке проблемы // Вестник ТГПУ. 2015. № 6 (159). С. 102—106. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2015&issue=6&article_id=5362 (дата обращения: 25.09.2019).

Bolotnov A. V. (2015) Informational waves and their types in up-to-date media discourse: statement of the problem. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 6. P. 102—106. (In Russ.) URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2015&issue=6&article_id=5362 (accessed: 25.09.2019).

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11>.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. (2019) The impact of digital communication on Russian youth professional culture: results of a comprehensive applied study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 228—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11> (In Russ.)

Будрайтскис И. Б. Российская пенсионная реформа и сопротивление: уроки отсутствовавшего движения // Социология власти. 2018. № 4. С. 69—105.

Budrajtskis I. B. (2018) Pension reform and resistance in Russia: lessons from the movement that failed to happen. *Sociology of Power*. No. 4. P. 69—105. (In Russ.)

Гуторова Н. А. Взаимодействие расследовательской и научной журналистики при создании медиатекстов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. № 1. С. 66—74. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.105>.

Gutorova N. A. (2019) The interaction the investigative and the science journalism for creation media texts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. No. 1. P. 66—74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.105>.

Дегтярев А. А. Современные принципы диагностики в методологии прикладного анализа публично-государственной политики: комплексный подход // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2018. № 2 (31). С. 28—32. <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2018-9-2-28-32>.

Degtyarev A. A. (2018) Modern principles of diagnostics in the methodology of applied analysis of public-state policy: integrated approach. *Kazan Social-Humanitarian Bulletin*. No. 2 (31). P. 28—32. (In Russ.) <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2018-9-2-28-32>.

Дробышева Т. В., Тихонова Э. В., Каблова Л. В. Социальные представления безработных о совладании с ситуацией потери работы в условиях до и после принятия пенсионной реформы // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2019. № 2. С. 6—24.

Drobysheva T. V., Tihonova E. V., Kablova L. V. (2019) Social representations of the unemployed about coping with job loss situation before and after the pension reform

adoption. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences*. No. 2. P. 6—24. (In Russ.)

Евгеньева Т. В., Титов В. В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22—27.

Evgenieva T. V., Titov V. V. (2014) the image of the «enemy» as a forming instrument for political identity in the internet: the experience of contemporary Russia. *Informational Wars*. No. 4. P. 22—27. (In Russ.)

Карзубов Д. Н. Новые методы исследования политического протеста (на примере протестных акций в г. Минеральные Воды, 2014 г.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 87—93.

Karzubov D. N. (2016) New methods of study of political protest: case — public protest in Mineralniye Vodi in 2014. *LOCUS: People, Society, Cultures, Meaning*. No. 4. P. 87—93. (In Russ.)

Попов Д. А., Большаков С. Н. Медиаэффекты протестных движений в контексте нелинейной динамики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 2. С. 41—46.

Popov D. A., Bol'shakov S. N. (2015) Media effects of protest movements in the context of nonlinear dynamic. *Problem Analysis and Public Administration Projection*. Vol. 8. No. 2. P. 41—46. (In Russ.)

Селезнева А. В. Динамика изменения политических ценностей в постсоветской России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1. С. 78—86.

Selezneva A. V. (2015) Dynamics of changes in political values in post-Soviet Russia. *Central Russian Journal of Social Sciences*. No. 1. P. 78—86. (In Russ.)

Титов В. В. Интернет как пространство трансформации системы коммуникативных идентичностей российского общества: по материалам международного исследования World Internet Project (WIP) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2013. № 3. С. 42—50.

Titov V. V. (2013) Internet as a place for transformation of system of communicative identities of the russian society (based on the data of the world internet project (WIP) international research). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 42—50. (In Russ.)

Усманова З. Р. Основные направления кристаллизации социально-политических представлений российских граждан в интернет-сообществах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. № 5 (29). С. 42—51. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-5-42-51>.

Usmanova Z. R. (2018) the main directions of crystallization of the socio-political views of the Russian citizens in internet-communities. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No. 5 (29). P. 42—51. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-5-42-51>. (In Russ.)

Шестопап Е. Б. Методы исследования политического восприятия в российской политической психологии // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Аспект Пресс, 2015. С. 76—94.

Shestopal E. B. (2015) Methods of research of political perception in Russian political psychology. In: Russian political science: ideas, concepts, methods. Ed. by L. V. Smorgunov. M.: Aspect Press. P. 76—94. (In Russ.)

Castells M. (2009) Communication power. Oxford: Oxford Univ. Press.

Dunn W. (2007) Public Policy Analysis: An Introduction. NY.: Pearson Prentice Hall.

Giddens A. (1999) Runaway world: how globalization is reshaping our lives. London: Profile.

Nechaev V. D., Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y. (2015) Perception of Political Subjectivity on the Internet: Results of the Cross-National Cluster Analysis in the USA, United Kingdom, Mexico, Sweden, Russia, China, the Republic of South Africa. *Asian Social Science*. Vol. 11. No. 7. P. 269—277. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n7p269>.

Webster F. (2000), Virtual Culture: Knowledge, Identity and Choice. In: Bryson J. R., Daniels P. W., Henry N., Pollard J. (eds) Knowledge, Space, Economy. London: Routledge. P. 226—241.